

Елена Пронина

БЫСТРЕЕ СВЕТА, ТОЧНЕЕ ПУЛИ

Научно-фантастический рассказ

литературный конкурс

Проект особого
значения

ЗАСЛОН

ЛитРес

16+

Елена Пронина

Быстрее света, точнее пули

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67653003

SelfPub; 2022

Аннотация

На человечество обрушился новый вид вируса. Выжившие обретают уникальные способности, но не в состоянии их контролировать. Людей можно превратить с безвольных солдат или защитить от чужого влияния. В какое русло направить исследования? Кому достанется беспрецедентно большой грант, в борьбу за который вступили Лидия Елизарова и Даниил Петров? Удастся ли ученым разрушить козни врагов и отстоять свои проекты?

Елена Пронина

Быстрее света, точнее пули

– Если Вы еще раз что-нибудь такое подумаете, я отзову разрешение на участие в экспериментах, – голос Лизы звучал испуганно, возмущенно и одновременно брезгливо.

Даже через шлем, экранирующий мысли девушки, заставляя ее мозг работать преимущественно на прием, Даниил Сергеевич ощутил ее неприязнь и отвращение к нему. В ее глазах он был похотливым старикашкой, вообразившем себе, как целует эти пухленькие слегка потрескавшиеся губы и прижимает ее хрупкое тело, ослабленное недавно перенесенной болезнью. Недуг заострил черты ее исхудалого личика, на котором выделялись лишь огромные карие глаза. Она напоминала загнанную лань, а он в ее глазах был похож на охотника, не знающего пощады. И при этом бессовестно нарушающего научную этику!

Сам себя позорным старикашкой Даниил Сергеевич, разумеется, не считал. В свои 45 лет он был, как Карлсон, то есть в самом расцвете сил. Но работа не оставляла ему много времени на личную жизнь. Потеряв пятнадцать лет назад свою вторую половинку, он так и не обзавелся новой семьей, и даже постоянной любовницы у него не было. Внешняя схожесть Лизы с его ныне покойной женой позволила на время пробудиться его подавленному инстинкту, но это было слу-

чайностью. Соблазнение девушки, только что перешагнувшей рубеж совершеннолетия, не входило в его планы. И ему было стыдно за картины, нарисованные перед внутренним взором его разбушевавшимся воображением.

Вот черт! Он уже четверть часа пытался внушить Лизе, концентрируя потоки сознания, желание полакомится клубникой со сливками. Пытался вспомнить и передать вкус и аромат этой ягоды, представить, как девушка кладет ее в свой рот, вонзает в нее свои ровные белые зубки. Но она не слышала его, от слова совсем. Но стоило ему передохнуть, отключив ментопередатчик, и подумать о том, чтобы приласкать малышку, – и она тут же почувствовала его фантазии. Надо было, конечно, извиниться, но Даниил Сергеевич занял атакующую позицию:

– Ты видела, что я прервал эксперимент. Какого черта тогда продолжила копать в моих мыслях? Не лезь другому в голову – и не узнаешь, что о тебе думают. Самой было любопытно, ведь так? За что боролась, на то и напоролась. И нечего строить из себя паиньку! А уйдешь из эксперимента – не беда. Нашла чем пугать! Да там толпа таких же сдвинувшихся в очереди стоит. И вообще: где гарантия, что ты не сама мне это желание внушила? А?

Лиза сняла шлем, и Даниил Сергеевич увидел, что глаза и щеки у нее мокрые от слез. Стало еще более неловко. Но идти на попятный и извиняться было уже поздно. Не сказав ни слова в утешение, он отвернулся к монитору и сделал вид,

что увлечен настройками программы.

– До завтра! – услышал за спиной голос девушки. Он обернулся, чтобы ответить, но Лиза уже вышла в коридор.

Прощальная фраза Лизы Данилу успокоила. На самом деле замену ей найти было бы непросто. Необычные последствия неоменингита – недуга, вызываемого новым штаммом мутировавшего ЕСНО-вируса – ощущает на себе каждый десятый выздоровевший. Это правда. Но большинство из них способно только принимать телепатические сигналы, да и то лишь наиболее мощные. Лиза же может и считывать, и передавать мысли, причем иногда это ей удается сделать даже без усиливающей аппаратуры, просто так, стихийно. И это уникальный случай. Ему же для экспериментов важнее именно способность Лизы внушать свои мысли, а не поддаваться внушению, так что для него она незаменима.

Даниил Сергеевич горел желанием изобрести способ обмениваться на расстоянии не словами или картинками, а именно мыслями. Ведь телепатические сигналы максимально точны, их невозможно понять неправильно, и достигать цели, по логике, они должны практически мгновенно, на каком бы расстоянии ни находился адресат.

Биохакингом Данила занимался уже более 15 лет – с тех пор, как в студенческие годы проходил преддипломную практику на АО «Заслон». После аспирантуры он вернулся сюда молодым специалистом, а сегодня он уже ведущий ин-

женер, работающий над наиболее значимыми проектами. Но ни один из этих перспективных проектов не заставлял Данилу так сильно гореть, как этот, на котором он сосредоточился благодаря Лизе, которая после выздоровления обнаружила в себе неординарные способности и по совету родителей рассказала о них своему ученому соседу.

Немо (так называли неоменингит в простонародье), накрывший мир новой волной эпидемии, оказался «парнем» с сюрпризом: он почти никого не убивал, но обнажал нервы своих жертв, так что реабилитация была долгой и сложной. При этом у некоторых он обнажал не только нервы, но и сознание, делая его восприимчивым к мыслям других людей. Этим свойством несчастных трудно было не воспользоваться: ходили слухи, что во всех странах формируются подразделения из таких солдат, послушных сознанию своих командиров, как глина рукам гончара. Возможно, это даже не было слухами: трудно удержаться от соблазна создать подобную армию, служащую за идею. Противник не сможет внушить солдатам страх или ненависть к своим командирам, так как этот процесс требует времени и концентрации. Другое дело, если кто-то найдет способ внедрять что-то в их мозг быстро и целенаправленно. Например, если кому-то из милитаристов в руки попадет такой же уникум, как Лиза, обладающий двунаправленными телепатическими способностями. опередить потенциального противника представлялось Даниилу Сергеевичу важным.

Он не относился к тем, кто преклоняется Марсу, и предпочитал, чтобы его разработки служили мирным целям. Однако принцип «хочешь мира – готовься к войне» тоже не был ему чужд. Иницилируя работу над проектом по передаче мыслей на расстоянии, он преследовал обе цели: и мирную, и милитаристскую – и совесть его при этом не мучила.

Ближайшей целью Даниила Сергеевича был Грант, который позволил бы ему работать над проектом более активно, разыскивая и привлекая к участию к экспериментам новых уникалов-телепатов, конструируя и дорабатывая новаторскую аппаратуру, создавая внутреннее производство чипов, усиливающих телепатические возможности человека. Но для получения Гранта мало было идей и замыслов, нужны были доказательства, что проект рабочий. Нужно было продвигнуться хотя бы на шаг, используя доступные на данный момент средства. Вот поэтому он и мучил себя и Лизу ежедневно, иногда по несколько раз в день. Ему уже начинало казаться, что его собственный мозг в результате этих испытаний стал более восприимчивым к телепатическим сигналам, несмотря на то что Немо обошел его стороной. Вот и сейчас он спиной уловил, что кто-то приближается к его лаборатории, и этот кто-то по отношению к нему агрессивно настроен.

Предчувствия Данилу не обманули: буквально через минуту к нему фурией влетела дамочка, недавно перешедшая

на их научно-производственное объединение из какой-то медицинской организации. Она имела два образования: психотерапевтическое и техническое. Этим ее кандидатура и прельстила руководство «Заслона». Еще бы: теперь, когда весь мир искал способы профилактики и лечения неоменингита, инженер-психотерапевт был ценным кадром. Новая сотрудница была главной конкуренткой Даниила Сергеевича, который, помимо инженерного, тоже имел медицинское образование, хирургическое. Причем на хирурга он выучился раньше, чем на инженера, да и на «Заслон» пришел из гуманитарных побуждений: хотел научиться «чинить» людей, вылечить которых традиционными методами было невозможно. И только позже понял, что от инженера в нем гораздо больше, чем от врача.

– Как Вы могли так обидеть беззащитную девушку! Это подло и неэтично! – с порога обрушилась на Данилу Сергеевича разъяренная коллега. – Она же перед вами вся голая, душой голая! У нее же нервы – как незаизолированные провода. Неужели у Вас нет сердца? Нет, я еще могу понять, что Вы не сдержали своих развратных мыслей, хотя к Вашему возрасту пора уже и их научиться контролировать. Но обвинять невинную девушку в том, что это она внушила Вам эти гадкие желания – чересчур! Это уже ни в какие рамки не вписывается! Я буду требовать прекращения ваших бесчеловечных экспериментов!

– И передачи Лизы для исследования Вам? – париро-

вал Даниила Сергеевич, догадывавшийся о том, что Лидия Алексеевна работает над проектом, как-то связанным с телепатическими способностями переболевших немовирусом, и тоже будет претендовать на Грант.

– В отличие от Вас у меня на Лизе свет клином не сошелся, – приняла вызов Лидия Алексеевна. – Я думаю, как защитить людей от телепатии, а не о том, чтобы превратить некоторых из них в оружие. Я сторонник мира, а не войны. И да: я против того, чтобы кого-либо использовали как средство для разработки новых методов агрессии. Этот вопрос тоже непременно подниму на ученом совете. Вас отстранят!

– А вам не приходило в голову, что телепатия – это не обязательно агрессия? Это просто сверхскоростной и сверхточный способ передачи информации. В условиях мира это не менее важно, чем в условиях войны. Мой проект не милитаристский, так что меня не отстранят, даже и не надейтесь. А Вы, смотрю, даже на подлость готовы, лишь бы устранить других претендентов на получения Гранта?

– Вот еще! У кого что болит... Грантов много...

– Грантов много, но Грант – один.

Да, впервые Правительство учредило безлимитный грант, и получить его мог только один проект. Его стали называть Грантом с большой буквы, и за него среди ученых разного профиля развернулась нешуточная борьба. От кого угодно можно было ожидать подножки.

– Совесть одна, а не грант, – прозвенел где-то внутри го-

ловы Данилы голос Лидии Алексеевны. – Хотя для Вас, возможно, она ничего не стоит.

– Да не орите Вы!

– Я и не ору, – удивленно заметила Лидия Алексеевна, и Даниил Сергеевич вдруг понял, что она на самом деле говорила взволнованно, но не громко. Почему же ее слова так звенели у него в голове? Наверное, сказалась эмоциональная усталость.

– Успокойтесь, – попросил Даниил Сергеевич коллегу. – Перед Лизой я и сам собирался извиниться. Во всем остальном с Вами не соглашусь. Я не пацифист, но и не милитарист. Речь идет о мирной телепатии, и я буду отстаивать свой проект, так как считаю его нужным человечеству. Это проект особого значения.

– Ага, мирный атом, мирная телепатия... Вы хотите создать еще одну пороховую бочку под нашей планетой?

– Телепатию создал не я. Но раз выяснилось, что она существует, необходимо подчинить ее, сделать управляемой. Стихийная энергия опаснее контролируемой.

– Не нужно ею управлять. Ее нужно подавлять, нужно искать защиту от нее. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

– Ну да, ну да. Как и все женщины. Вы вечно выдаете за знания свои эмоции. Наука требует холодной головы.

– Но горячего сердца.

– Наша дискуссия беспредметна. Предлагаю не тратить время на пустые разговоры, а заняться своими непосред-

ственными обязанностями.

Лидия Алексеевна вышла, демонстративно хлопнув дверью, а Даниил Сергеевич попытался сосредоточиться на анализе графиков и таблиц.

Исследование способностей Лизы Даниил Сергеевич начинал с передачи условно бинарного кода: изображений зеленого круга и оранжевой полосы. Достоверность передачи данных в этом случае была близка к единице. При этом не имело большого значения, кто из них с испытуемой выступал в роли индуктора, а кто был перципиентом, на каком расстоянии друг от друга они находились.

С картами Зенера удалось получить аналогичный результат, хотя выбирать приходилось из пяти изображений, которые различались только формой.

Эксперименты с простыми приказами: поднять руку, повернуть голову, сесть, подняться на ноги – тоже были успешными. Однако правильно было выполнено лишь 96 процентов приказов – Даниил Сергеевич рассчитывал на большее.

Дело совсем застопорилось, когда опыты вышли за рамки выбора одного из образов или действий из ограниченного перечня. При приеме телепатем Лиза угадывала 70-86 процентов сообщений, передать же перципиенту правильно ей удавалось от 40 до 65 процентов образов. Разумеется, это было невероятно много, если ориентироваться на теорию вероятности, но крайне мало для достижения поставленных це-

лей. Нужен был стопроцентный результат или хотя бы близкий к этому.

Что мешало передаче телепатем, а что способствовало? Что могло создавать помехи? Почему спонтанная телепатия Лизы была в разы быстрее и точнее сознательной? Что произошло с девушкой в результате болезни, сделав ее уникальной?

Гипотеза у Даниила Сергеевича, разумеется, была. Так, биоритмы мозга Лизы обладали более широким диапазоном частот, чем у добровольцев из контрольной группы. Они могли достигать 200 Гц, а низкие колебания в пределах 4-7 Гц у нее наблюдались не только в моменты между сном и явью, как у обычных людей, но и в период бодрствования. Появление телепатических способностей у девушки он связывал именно с частотой биоритмов мозга и излучением тета-волн в то время, когда сознание у нее оставалось четким.

Впрочем, неизвестно было, на какой частоте работал Лизин мозг до болезни. Нужно было больше информации, больше испытуемых. Даниил Сергеевич был уверен, что уникалов, которые приобрели способности, сходные с Лизиными, в стране как минимум несколько, но их нужно было отыскать, убедить сотрудничать. Без особых полномочий и должного финансирования гипотезу было невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Графики и таблицы, открытые на двух мониторах, Даниила Сергеевича рассматривал уже сотню раз, но существенных за-

висимостей обнаружить не удавалось. Что-то ускользало от его внимания, что-то такое, что был не в состоянии уловить и искусственный интеллект.

Сегодня же внимательно анализировать промежуточные результаты исследований было особенно сложно – сосредоточиться мешал инцидент, произошедший с Лизой. Да еще маячил перед глазами образ Лидии Алексеевны с горящими праведным гневом глазами и странной прической, которая делала ее похожей на пенсионерку в бигуди. Женщина носила на волосах металлическую сеточку, украшенную то ли заколками, то ли просто фигурками причудливой формы, расположенными беспорядочно.

Хотя порядок в их расположении, показалось Даниле, был, только какой-то странный, неуловимый. И почему-то разгадка системы расположения украшений на голове коллеги занимала его сильнее, чем анализ данных в рамках его любимого проекта.

Наконец, Даниил Сергеевич понял: для того чтобы сосредоточиться на главном, ему необходимо отвлечься от второстепенного, назойливо мельтешившего в голове. Значит, внимание было нужно временно переключить на что-нибудь совершенно другое. Обычно в таких случаях его выручали шахматы.

Заперев лабораторию, Данила направился в комнату отдыха, надеясь, что кто-нибудь из его обычных партнеров тоже почувствует потребность разгрузиться, чтобы с новыми

силами наброситься на решение сложных задач.

Войдя в комнату отдыха, Данила сразу увидел Лидию Алексеевну. Сверкая своей несуразной прической, она пила кофе, обсуждала что-то с девушкой из машинописного бюро и смеялась. Даниле показалось, что ее смех звучит подчеркнуто весело и громко, как будто она хотела всем продемонстрировать свое хорошее настроение. Это было неприятно.

В комнате отдыха находилось еще несколько коллег-мужчин, но постоянных партнеров Данилы по шахматам среди них не было. Но ведь кто-то из них все же мог быть шахматистом.

– Никто не желает партию в шахматы? – предложил Данила громко.

Кто-то ответил, что не в настроении, кто-то уже спешил на рабочее место. Данила уже хотел покинуть помещение вместе с ним, немного раздосадованный разрушением его планов, как его окликнула Лидия Алексеевна:

– Ну, раз никто из мужчин не хочет с Вами сразиться, давайте сыграю я.

Отказываться было уже невежливо, и Данила, поблагодарив коллегу за отзывчивость, направился к шахматному столу.

Гамбитом даму Данила решил не пугать, хотя наказать ее за дерзость и хотелось. Пошел королевской пешкой. Чер-

ные ответили отражательно. Данила ухмыльнулся. Он был готов к тому, что Лидия Алексеевна выберет что-нибудь более изысканное и нестандартное, например, сицилийскую или даже французскую защиту, но она, похоже, не знала об их существовании. Противники вывели по коню и слону – разыгрывалась традиционная итальянская партия. Белые предприняли попытку захватить пешками центр. Черные вывели второго коня. Разменяли пешки.

Тут черные, видимо, забыв, что их дело – защищаться, атаковали, объявив белому королю шах слоном. Атака была предсказуемой и, будучи к ней готовым, Данила загородился конем, понимая, что это приведет к потере пешки. От лакомого кусочка черные отказываться не стали, и конь занял место беззащитно сожранного центрального «пехотинца», одновременно напав на связанного коня. Белые рокировались, черные скушали коня. Прожорливого слона Данила пока оставил в покое, двинув вперед пешку. Лидии Алексеевне приходилось выбирать, кого оставить на съедение пешкам: «лошадку» или «слоника». Слон сбежал, но и коня Данила брать не спешил – можно было отыграть фигуру, не расплачиваясь пешкой. С этой целью он напал ладьей на вторую «лошадь», которой бежать было некуда – за ней на прямой линии находился король. Ее было не спасти, поэту дама увела из-под боя несвязанную фигуру, одновременно загородив ею короля. Белая ладья «полакомилась» своей законной добычей

Черные, похоже, вспомнили, что неразвитые фигуры бесполезны, и открыли слону проход. Данила вывел второго слона. Черные пошли на размен, напали пешкой на коня. На месте Лидии Алексеевны он сделал бы то же самое. Не давая ей возможности передышки, белые рванулись в атаку: шаг слонем (белые слонем же и закрылись), ферзя – на королевскую вертикаль, размен вторыми слонами и снова шах. Разменялись и ферзями. Если Лидия Алексеевна надеялась, что Данила забудет, что его конь под ударом, то ее ждало горькое разочарование. Впрочем, на ее лице огорчения не отразилось – она без тени смущения забрала белую пешку. В итоге у черных оказался перевес в два «пехотинца». Это, конечно, не гарантировало им выигрыша, но Данила уже понял, что Лидия Алексеевна играет достаточно хорошо для того, чтобы воспользоваться этим преимуществом. Он сдался, с уважением пожав сопернице руку и признавшись:

– Удивили!

– Мне тоже было интересно, – улыбнулась Лидия Алексеевна, отвечая на рукопожатие.

– Думал, предпочитаете защищаться, а не атаковать.

– Всю партию в защите не просидишь.

– Вот я и про то же. Победа без нападения невозможна.

– Но если атаковать, забыв о защите, финал, как Вы сами видите, неутешительный.

– Думаю, нам пора перейти на ты, – предложил Данила, посмотрев на взбалмошную коллегу другими глазами.

– Я подумаю над этим, – ответила она, но тут же спохватилась: – Подумаю – это я про атаку и защиту, а по поводу перейти на ты – я не против.

Она рассмеялась, сообразив, как комично прозвучало ее обещание подумать над пустяковым предложением, и ее смех был так заразителен, что Данила подхватил его.

Возвращаясь в лабораторию, он уже не считал Лиду неприятной, а скорее наоборот, хотя чудаковатой она все равно была, вспомнить хотя бы ее странную прическу. Данила понял, что из-за нее он снова не может нормально работать, хоть внимание на время переключить и удалось. «Нужно было поинтересоваться, что за конструкция у нее на голове», – подумал он и решил, что при случае обязательно расспросит коллегу об этом.

Сегодня задерживаться на работе Лида не стала, хотя большинство сотрудников «Заслона» были настолько увлечены своими научными изысканиями, что проводили в лабораториях значительно больше времени, чем требовал трудовой кодекс. День и так выдался сложный: столько противоречивых эмоций за короткий промежуток времени она не переживала уже давно. И самым неприятным было то, что она никак не могла понять, из-за чего так сильно разволновалась. Хотелось быстрее остаться одной, успокоиться, помедитировать и привести мысли в порядок.

Выезжая со стоянки, Лида обратила внимание, что у Да-

ниила Сергеевича свет горит и в лаборатории, и в кабинете – он задерживался. Она не помнила случая, когда он уходил домой раньше нее, хотя она обычно задерживалась на час или два. Приходил он тоже раньше. Казалось, он живет на работе. Вероятно, дома его никто не ждет. Или такая недоброжелательная атмосфера, что в семейное гнездышко его не тянет. И вообще интересно, есть ли у него семья или он живет один? Она попыталась представить его квартиру. Вероятно, аскетично обставленная, но напичканная техникой. Почти наверняка одна из комнат отведена под кабинет, в котором имеется кое-какое оборудование. Вскрывает ночью, включает его и проверяет свои догадки. А супруга недовольно ворчит, требует погасить свет, перестать шуметь... Ее Лида представила крупной властной дамой с пышным бюстом и крашеными волосами, примерно одного возраста с Данилой.

Поймав себя на размышлениях об образе жизни коллеги, Лида покраснела. Кажется, она начала понимать причину своего сегодняшнего волнения: вопреки тому, что Данила был ее главным оппонентом и вел себя возмутительно, он ей почему-то сильно понравился. Почему-то хотелось, чтобы его сердце было свободно, чтобы не было никакой жены, а если бы и была, то препротивнейшей особой, которую тот едва терпит, например, из-за детей. Она заинтересовалась им. Признаваться в этом не хотелось даже самой себе, и Лида попыталась построить под этим интересом логический фундамент. Точно: она интересуется им, чтобы знать своего

врага и быть на шаг впереди. Но вот враг ли он ей? Лишь соперник. Лида страстно желала получить Грант, на который, совершенно очевидно, был нацелен и он.

Лида уже отжимала волосы и собиралась впервые за долгое время просто отдохнуть, укутавшись в пушистый халат, забравшись с ногами в кресло, включив хорошую музыку и налив себе вина. Но тут она вдруг почувствовала в голове мерзкие щупальца, осторожно и настойчиво пытающиеся проникнуть в ее мысли. Ее мозг еще никто никогда не пытался взламывать, но она сразу поняла, что это за «осьминог» прощупывает ее сознание. Похожие ощущения она испытывала в юности, когда кто-то случайно проникал в ее голову, считывая обрывки мыслей или, хуже того, внушая ей собственные. Но тогда проникающие в ее мозг потоки были похожи на тонкие нити или корешки, вызывающие щекотку, и их Лида давно уже научилась обрубать и выжигать, прогонять из своего сознания.

На этот раз вторжение было не случайным, а целенаправленным и мощным. Оно вызывало не щекотку, а боль. Первым появилось желание выдавить из себя посторонние ментальные потоки и прекратить пытку. Вовремя сообразила, что в этом случае атаки повторятся, а она так и не узнает замыслы врага. Неимоверным усилием воли Лида заставила себя не выдавливать из головы чужие мысли, а лишь отгородиться от них, постаравшись затем прощупать «щупальца»,

проследить их путь.

– Брось исследования, отступишь, уволься. Тебе не нужен Грант, – услышала она коварный шепот.

Понять, кому принадлежит голос, было невозможно: Лида заставила мозг стать невосприимчивым к приказам извне, и слова были едва различимы, будто проходили свой вату. Однако тот факт, что она слышала их, не мог не тревожить. Еще немного, и чужие мысли завладеют ее сознанием, и внушение удастся. Рисковать, пытаясь установить источник атаки, было нельзя, и Лида, собрав силы и преодолевая нарастающую боль, набросилась на «спрута».

Обожженные щупальца покинули мозг. Лида тут же метнулась в комнату и напялила на голову сеточку со странными украшениями – ту самую, которая привлекла внимание Данилы. На влажные волосы надевать ее было рискованно, но не настолько опасно, как давать кому-то возможность рыться в ее мозгах и отдавать ей приказы.

Догадаться, кто пытался взломать Лидин мозг и загипнотизировать ее на расстоянии, было нетрудно: ее отказ от борьбы за Грант был выгоден Даниилу Сергеевичу. Он имел мотив, и у него были возможности проникновения в чужое сознание: ни для кого в научном центре не было секретом, что именно над этим он и работает и, значит, имеет соответствующее оборудование.

Лида аж зубами скрипнула от злости. Такой подлости она не ожидала. И это при том, что они почти подружились после

игры в шахматы. Оказалось, что он лишь усыплял ее бдительность. Козел! Этого она ему простить не могла.

Представила, как он, должно быть, раздосадован, что его план провалился, и коварно улыбнулась. Никто не знал, что она давно уже научилась защищать свой мозг от проникновения чужого сознания. Задолго до появления немовируса. Жизнь заставила.

Дело в том, что Лида была телепатом. С детства или, может быть, даже с рождения. Замечать эту свою особенность она начала в подростковом возрасте, и это доставляло ей массу неприятностей.

Она слышала, что думает о ней их учитель физики, и это пугало, было отвратительно. Но еще более мерзким было то, что аналогичные картины рисовало воображение ее отчима. Лида не могла относиться к этим мужчинам нейтрально, зная, что они хотят с ней сделать, и не думать об этом было невозможно. Она стала бояться оставаться с отчимом наедине, ссорилась с ним по пустякам и вообще люто его ненавидела, хотя он, нужно отдать ему должное, не давал воли своим желаниям и сам их стыдился.

Зная, что о ней думают другие на самом деле, Лида лишилась многих друзей. Она не хотела сходиться с людьми, которые кривят душой. Тех же, кто говорит то, что думает, ей не встречалось. Она обрекла себя на одиночество.

Лида росла, и ее телепатические способности обострялись. Вскоре она поняла, что может внушать другим свои

мысли. Однако совесть не позволяла ей поступать таким образом. А вот другие внушали ей все подряд, даже не подозревая об этом. Поддаваясь мысленным призывам или приказам людей, которые даже не служили для нее авторитетами, девушка стала прогуливать занятия, начала пить и курить, позволяла юношам больше, чем хотела...

Осознав, что катится в пропасть, Лида поняла, что во что бы то ни стало должна научиться отгораживать свое сознание от мыслей других. На это ушло немало времени и сил, ведь никто не мог дать ей подсказок. Но все же в конце концов она научилась ставить ментальный щит. Постепенно так натренировалась, что стала делать это буквально на автомате, и это не мешало ей думать, говорить, делать что-то еще, то есть жить...

Уже позже, когда научные знания позволили ей сделать это, она изобрела более удачную альтернативу шапочки из фольги, которая, как известно любому ученому, со своими задачами не справляется и даже вредит, усиливая отдельные сигналы. Свою «шапочку» она сконструировала таким образом, чтобы она напоминала украшение для волос.

Теперь, когда немовирус телепатами сделал многих, свое изобретение Лида носила повсюду, снимая лишь дома. Но Даниил Сергеевич добрался до нее и здесь.

Ложиться пришлось в «шапочке», утешая себя тем, что спали же наши бабушки на бигуди и ничего, выживали... Лида тоже выжила, но спала плохо, встала с больной головой и

злющей-презлющей.

Не удивительно, что ее рабочий день начался с визита к Даниилу Сергеевичу и высказывания ему претензий по поводу его неэтичных и вообще возмутительных действий.

С утра Даниил Сергеевич был на нервах – ожидал аудиторов. Крупных грехов за ним не водилось, а мелкие... у кого их нет? Небольшой перерасход, нецелевое расходование средств, когда вместо материалов, на которые они выделялись, срочно было нужно приобрести мелочи, не предусмотренные сметой. Тратил не на себя, а на исследования, и проверяющие должны были это понять. Нервировал сам факт ревизии в самую горячую пору, когда времени подготовить материалы на соискание Гранта оставалось совсем мало.

Хорошо еще, что Сидоренко предупредил о предстоящей проверке. Вчера в конце рабочего дня его бывший однокурсник, а ныне заместитель директора по специальным разработкам зашел к нему в лабораторию, чтобы навести порядок в данных по проекту, над которым они год назад вместе работали. Он то и сказал, что завтра (теперь уже сегодня) ожидается ревизия, посоветовал проверить, нет ли расхождений в бумагах.

Данила оставил Николая Степановича в лаборатории, а сам отправился в кабинет, разбирать документы, чеки, накладные...

С бумагами Даниил Сергеевич провозился почти до по-

луночи, поэтому поспать ему удалось лишь несколько часов. Встал разбитым. Чтобы хоть немного взбодриться, принял контрастный душ, выпил большую кружку кофе. На работе был на полчаса раньше звонка. Открыл кабинет и, негодую, что из-за бюрократов-аудиторов остановилась работа, сел ждать комиссию в кабинете.

На душе было тревожно, как будто что-то пошло не так. Даниил Сергеевич мысленно перебирал отчеты, акты, счета... и никак не мог сообразить, что могло вызвать беспричинное беспокойство. А волнение между тем усиливалось. Он и так уже был на взводе, когда в кабинет ворвалась Лидия Алексеевна. Это напоминало дежавю. Женщина сверкала глазами и своим нелепым головным убором.

– Вы подонок! – прошипела она на него, рывком открыв дверь. – Ваше поведение не просто не этично – оно возмутительно! Как Вы смеете лезть мне в голову и копаться в моих мыслях? Думаете, что Вам все сойдет с рук? Предупреждаю: если Вы еще хоть раз попытаетесь внушить мне бросить мои исследования, я устрою Вам взрыв мозга. Я сведу Вас с ума, так и знайте!

Даниила Сергеевич уставился на нее, ничего не понимая. Надо было сперва разобраться, что так сильно разозлило коллегу, но эта мысль пришла в голову оскорбленного без повода ученого уже после того, как его язык произнес:

– Точно сведете, если сумасшествие заразно. У Вас паранойя. Сделайте себе шапочку из фольги и живите спокойно.

– Уж Вы-то должны знать, что шапочка из фольги – не экран, а антенна. Для защиты от таких гадов, как Вы, нужна более сложная конструкция. По счастью, я ее имею.

Лидия Алексеевна выскочила в коридор, с силой захлопнув за собой дверь, и Данила даже не успел спросить у нее, с чего это вдруг она взяла, что он копался в ее мозге и пытался внушить ей мысль о прекращении исследований. Впрочем, это, вероятно, было неважно. Даниил Сергеевич заподозрил, что его эмоциональная коллега на самом деле страдает паранойяльным синдромом. Странно было лишь то, что она сама психотерапевт, а не видит отклонений и не лечится. И да: он сообразил, что странная конструкция на голове Лидии Алексеевны – не что иное, как аналог шапочки из фольги, то есть нечто, созданное с идентичной целью. Это заставило его расхохотаться, хотя после он даже пожалел несчастную и решил, что обижаться на нее нельзя.

Он даже взгрустнул немного из-за того, что Лидия Алексеевна оказалась не в себе. После вчерашней партии он проникся к ней симпатией и даже подумал, что не будь она коллегой, можно было бы завести с ней легкий роман. Если б не дикая прическа, эта женщина была бы в его вкусе.

Больше часа Даниил Сергеевич бездельничал, ожидая проверяющих. Никого не было. Пришла Лиза. Сказала, что не нашла его в лаборатории, но догадалась заглянуть за соседнюю дверь, которая оказалась входом в его кабинет.

– А что, экспериментов сегодня не будет? – поинтересовалась девушка.

– Извини, что не предупредил, – спохватился Данила. – Сегодня должна быть ревизия. С экспериментами, должно быть, ничего не получится.

– А у меня почему-то предчувствие, что все получится. Это ревизии не будет. Спорим?

– С тобой спорить – быть идиотом, – улыбнулся Данила, довольный тем, что Лиза, похоже, не держит на него зла за вчерашнее. – Но проверить не помешает. Жди меня здесь, узнаю у начальства.

Данила Сергеевич направился к Сидоренко.

– Ну, и где твои аудиторы?

– Ой, я тебе не сказал? Ложная тревога.

Данила про себя выругался, но вслух поблагодарил за информацию и вышел.

– Ты была права, – похвалил он Лизу, вернувшись в кабинет. – Мне бы такую интуицию. И позвал: – Пойдем в лабораторию.

Включив оборудование, Данила заметил, что настройки почему-то сбились. Когда они с Лизой замеряли точность телепатической передачи мыслей на расстоянии, он пользовался специальным прибором, который помогал индуктору направить поток сознания в заданную точку. В последний раз там оставались координаты Лизиной комнаты в их многоэтажном доме. Теперь же координаты изменились. Это наво-

дило на мысль, что кто-то запускал прибор в его отсутствие. И это мог быть только Сидоренко.

– Подожди минуту, – попросил Данила Лизу. – Нужно проверить одну догадку.

Он нанес новые координаты на карту города, узнал адрес. Позвонил кадровикам, поинтересовался, где проживает Лидия Алексеевна. Там ответили, что подобную информацию не имеют права предоставлять даже сотрудникам.

– А если я сам назову адрес? – попросил Данила девушку. – Вы только скажите, угадал или нет. Это нужно для подтверждения данных, полученных в ходе научного эксперимента, – соврал он.

– Хорошо, – сдалась девушка.

Данила назвал адрес, и сотрудница отдела кадров подтвердила, что Лидия Алексеевна Елизарова проживает именно там.

Стало ясно, что обвинившая Данилу в попытке взлома ее мозга коллега не была параноиком. Такая попытка действительно была. И совершил ее Сидоренко. Только вот зачем? Сам имел на Елизарову планы и хотел настроить ее против Данилы? Или же на самом деле хотел, чтобы она закрыла проект, отказавшись от Гранта? Но ему от этого какая выгода? Насколько Даниле было известно, сейчас его бывший однокурсник никаких исследований не вел, а, значит, и на Грант претендовать не мог... Все это требовало тщательного обдумывания, но сейчас он не мог этим заняться – его ждала

Лиза.

– Спасибо, что подождала, и извини за вчерашнее, – обратился к ней Данила. – Я незаслуженно тебя оскорбил.

– Заслужено, – пробормотала Лиза, опустив голову и покраснев. – Это Вы меня извините. Мне показалось, что вы думаете о клубничке и представляете, как целуете меня.

Данила остолбенел:

– Так я и думал о клубничке, но не о той, что ты подумала, а об обычной, то есть о ягоде. Я ж ее вкус представлял.

– Я не ем клубники, у меня на нее аллергия, – смутилась Лиза, еще сильнее покраснев. – Выходит, я совсем испорченная.

– Ничего не испорченная, – успокоил я девушку. – У меня клубника тоже ассоциируется с сексом. Выходит, ты уловила именно тот образ, который связан с эротикой, так как вкус ягоды тебе не знаком. То есть у тебя эта ягода не ассоциируется с лакомством, потому что ты ее не ешь, вот и сработала оставшаяся ассоциация. Это же ключ!

– Ключ к чему?

– К пониманию, почему одна информация передается хорошо, а другая плохо. У каждого индивидуальный набор чувствительных образов и ассоциаций, свой набор данных в голове, свои коды. Когда у индуктора и перцепиента они совпадают, информация передается точно, а при несовпадении – искаженной. Или вообще не передается. То есть нужно, чтобы телепаты были настроены на одну волну! Только вот как

это сделать? Та еще загадка!

– Только вы не сдавайтесь, – попросила Лиза. – У Вас все получится. Я это вижу. Интуиция.

– Может, она еще о чем-нибудь тебе говорит?

– Интуиция?

– Да.

– Говорит. У Вас здесь есть враг, он хочет помешать. Хочет, чтобы Грант Вам не достался.

– И этот враг – женщина?

– Нет, мужчина.

– А я уже подумал про Лидию Алексеевну. Удивился, что ты не на ее, а на моей стороне.

– А кто такая Лидия Алексеевна?

– Это та женщина, которой ты вчера на меня пожаловалась. Она горло за тебя была готова перегрызть.

– Я ее не знаю. И не жаловалась никому. Только подруге рассказала.

– Значит, ей рассказала твоя подруга. Могут быть они знакомы?

– Не знаю, мы с ней общаемся телепатически. Наверное, могут быть знакомы. Они же, получается, обе здесь работают.

На этом обсуждение внутренней обстановки было закончено, Даниил Алексеевич и Лиза вновь перешли к экспериментам. Только на этот раз ученый старался выбирать однозначные и понятные образы, так что процент успешно пере-

данных телепатом приблизился к 90. Был поставлен своего рода рекорд. Гипотеза подтверждалась.

После завершения опытов Данила предложил Лизе пойти в буфет и полакомиться недавно выведенной белой клубникой, лишенной аллергенов, но почти такой же вкусной и ароматной. Девушкой эта идея была принята с восторгом.

Войдя в буфет, Данила недовольно поморщился: Лидия Алексеевна была там и пила кофе с шоколадными эклерами. Казалось, будто она его преследует, то и дело попадаясь на пути. Он уже собирался обменяться с соперницей колкостями, но помешала Лиза.

– Вот она, моя подруга, – шепнула девушка Даниле, указывая глазами на доктора Елизарову.

– Лиза? – узнала девушку и ученая. – Рада познакомиться с тобой в реале.

Женщины устремились навстречу друг другу и обнялись, а Данила решил не портить им настроение. Он заказал своей помощнице обещанный десерт, себе взял кофе и бутерброд с семгой и сел за соседний столик, чтобы не мешать общению подруг. Лидия Алексеевна была полна сюрпризов. Выходит, она тоже телепат, как и Лиза? Возможно даже, что такой же сильный. Вот для чего ей этот безумный головной убор! Она уязвима и знает это. А он над ней еще и посмеялся! Интересно, у нее это тоже осложнение после Немо?

Данила стал с интересом изучать надетый на голову Ели-

заровой головной убор, пытаясь разобраться, как именно работает эта странная конструкция. Похоже было, что она ставит двусторонний экран. То есть заблокировала Лидия Алексеевна, не только входящие, но и исходящие сообщения. Значит, было что заблокировать. Чудесный материал для опытов – ее голова. Вот бы ее заполучить! Но они не соратники, а наоборот, так что поэкспериментировать с телепатическими способностями Елизаровой ему, по всей видимости, никогда не удастся...

– А Вы как думаете, Данила Сергеевич? – прервал его размышления вопрос, громко заданный Лизой.

– О чем? – не понял он.

– Вот я загадку прочитала: «Что быстрее и точнее всего на свете?». Лидия Алексеевна считает, что это любовь, ну, то есть стрелы Амура. А мне кажется, что-то другое. А Вы как думаете?

– Мысль, – пожал плечами Данила, полагая, что ответ на загадку очевиден.

– Точно! Ваш ответ мне больше нравится, – Лиза даже в ладоши захлопала от удовольствия. Елизарова недовольно поджала губы, на что Данила злорадно ухмыльнулся.

Допив кофе, он попрощался с Лизой и, ни слова не сказав Лидии Алексеевне, ушел к себе – работать с тем материалом, который имелся в его распоряжении.

Когда Лида вылетела из кабинета Даниила Сергеевича,

услышала за дверью его глупое ржание. Очевидно, что потешался он над ней. «Ну, ничего, – попыталась она утешить себя, – посмотрим, кто будет смеяться последним». Она знала, что, постаравшись, смогла бы взломать мозг оппонента без использования какой-либо техники и, вероятно, справилась бы с внушением ему любой ерунды. А вздумай она атаковать сознание ученого регулярно, то, возможно, и с ума его свести смогла бы. Если только у него имеется генная предрасположенность к шизофрении и подобным недугам. Но Лида была врачом, а не палачом. Она давала клятву Гиппократа, и сведение с ума неугодного коллеги было бы чудовищным ее нарушением. Так что от подобных методов борьбы женщина решила все-таки воздержаться. И за Грант она будет сражаться по-честному, не используя паранормальных способностей. Этот вопрос для себя она тоже давно решила. Но до чего же обидно было, когда другие вели нечестную игру!

«Если он и впредь продолжит в том же духе, я все-таки вторгнусь в его мозг, и тогда посмотрим, кто кого одолеет», – храбрилась Лида.

Обида и злость мешали работать, и в конце концов женщина разрешила себе отвлечься и поднять себе настроение. Средством для этого должны были стать ее любимые шоколадные эклеры. За ними она и пошла в буфет.

Неизвестно, почему промолчала ее интуиция, но здесь Лиду ждал неприятный сюрприз: стоило ей только взять поднос с чашкой и пирожными, как в дверях появился ненавист-

ный ей мужчина. Она чуть зубами не закрипела от негодования. Но тут следом за ним в буфет проскользнула Лиза. Лида сразу узнала в этой худенькой девушке свою ментальную подругу. Та тоже явно ее угадала. Лида поставила поднос на ближайший столик и обняла подлетевшую к ней девушку. Они расположились за одним столиком и начали рассматривать друг друга, углубляя знакомство.

Болтали о пустяках, а Даниил Сергеевич уселся за соседним столиком и подслушивал. Делал это искусно – не подкопаешься. Даже когда Лиза спросила его версию отгадки на заданный ею вопрос, он сделал вид, что не понял о чем речь. А потом дал очевидный ответ, который Лизе понравился так сильно, что та даже зааплодировала. Лиде стало досадно, что этот ответ пришел в голову не ей, и что Лиза была от этого негодая в восторге.

Когда он ушел, Лида предупредила Лизу, чтобы она была с Даниилом Сергеевичем осторожной, так как он непорядочный человек.

– С чего ты взяла? – удивилась девушка. – Он хороший!

– Хороший человек не полез бы никому в голову без его согласия, а он меня вчера пытался взломать и внушить всякую ересь.

– Кажется, я поняла, что случилось, – догадалась Лиза и пересказала старшей подруге то, что произошло сегодня в лаборатории.

– Так что он тебя не взламывал, это кто-то другой, и Да-

ниил Сергеевич, кажется, знает кто! – подытожила Лиза.

С ней было трудно не согласиться, и Лиде стало стыдно, что она так грубо обошлась с коллегой, заподозренным ею в нечистоплотном поступке: накричала ни за что и даже придумывала, как ему отомстить. А он, оказывается, ни при чем. Что он теперь о ней подумает? Вероятно, считает ее теперь параноиком. Теперь и не подойдешь к нему, не спросишь, кого он подозревает в совершении атаки на ее сознание... Ну, что ж, придется доходить до всего своим умом, не впервой!

Как ни старалась Лида приободриться, ее мучил стыд. И еще не оставляло ощущение потери. Интерес к незаслуженно оскорбленному ею коллеге, вспыхнувший накануне, разгорался все сильнее. И он уже перестал напоминать простое любопытство. Лида, не имевшая отношений с мужчинами еще со студенческих лет, то есть с тех пор, как научилась пользоваться ментальным щитом, поняла, что Данила имеет все шансы стать первым любовником после ее многолетнего воздержания. И она хотела этого, хоть и гнала эти мысли прочь, призывая на помощь разум. Ведь сам Данила не демонстрировал страсти. Для него она была просто коллегой, причем не совсем нормальной и обладающей несносным характером. После случившегося он не то что романа с ней не захочет закрутить – он будет стараться держаться от нее подальше, избегать любого взаимодействия. Попала так попала!

Лида пыталась заставить себя смотреть на Данилу как на соперника и перестать его жалеть (и желать). Она сосредоточилась на работе. Но ее мысли снова и снова возвращались к нему, ломая планы и срывая графики.

Следующая неделя, как обычно, началась с планерки у генерального. Один из вопросов повестки дня был особенно волнующим и для Даниила Петрова, и для Лидии Елизаровой: участие сотрудников научно-исследовательского центра «Заслон» в конкурсе на соискание Гранта. Сверху пришли разъяснения, что организация может выдвинуть лишь одного претендента. Даниле и Лиде предстояло доказать ученому совету, что наиболее достоин Гранта именно их проект. Предполагалось, что победителю будут предоставлены дополнительные ресурсы из резервного фонда центра, чтобы он мог наиболее ярко презентовать свое детище на госкомиссии. Проигравший же должен был отойти в сторону или включиться в работу над проектом своего оппонента.

Однако обоих ученых в этот день ожидал неприятный сюрприз. Попросив слова, Сидоренко высказал особое мнение: он считал, что в этом году «Заслону» не стоит вообще выдвигать на конкурс ни одного проекта. Во-первых, их сотрудники выбрали малоперспективные направления: вместо того, чтобы заняться поиском лекарства или разработкой вакцины от немовируса, они думают, что делать с его осложнениями. Причем один ищет способы их развить, другая –

купировать. Выглядит так, как будто «Заслону» все равно, над чем работать, лишь бы была имитация бурной деятельности. Во-вторых, тратить резервы неосмотрительно – они могут потребоваться на что-то более важное. Если сотрудники не успевают подготовить свои проекты к защите в срок – это говорит об их несобранности и непрофессионализме. Не будут ли они срывать сроки и далее? В-третьих, получение Гранта будет сопряжено с массовыми и глубокими проверками. Они будут нервировать сотрудников, мешать им работать в привычном темпе. Сидоренко предлагал оставить идею получения Гранта, а сосредоточиться на работе с хорошо оплачиваемыми заказами. Кстати, на тендере таких пруд пруди.

По счастью, генеральный, несмотря на доводы Сидоренко, решил, что в конкурсе на Грант «Заслон» участвовать все-таки будет. Согласился лишь с тем, что резервы трогать не целесообразно: подготовить проект к защите на конкурсе победитель должен будет своими силами. Лидия Петровна попыталась напомнить, что им было обещано по паре лаборантов, на что директор ответил, что стражем резервов и распорядителем кадров в их центре является Сидоренко, курирующий не только спецпроекты, но и общие вопросы. Так что решение по этому вопросу будет принимать он. Если ученые смогут убедить Сидоренко усилить команду и выделить дополнительные ресурсы, то гендиректор будет только рад. А нет – значит, нет.

Отбор проектов назначили на среду, чтобы Елизарова и Петров могли подготовиться к своеобразному интеллектуальному поединку.

Даниил Сергеевич сразу же после планерки направился в кабинет своего бывшего однокурсника, который уже не в первый раз вставлял ему палки в колеса, при этом продолжая прикидываться товарищем.

– Объясни, что происходит? Чем я тебе насолил?

– Ты о чем?

– О препятствовании в получении Гранта.

– Лично против тебя я ничего не имею. Я пекусь об интересах организации. Даже помочь тебе готов, когда твои интересы не противоречат интересам «Заслона».

– Ты еще интересы государства сюда приплети! С каких это пор ты стал коллективистом?

– Всегда им был.

– Ну, уж мне-то ты мог об этом и не лгать! Повторяю: почему ты на самом деле против получения мною гранта?

– Я все сказал.

– Но ты хотя бы выделишь мне пару лаборантов?

– У тебя ж они уже есть.

– Ты же знаешь, что Валерий Петрович болеет и неизвестно когда сможет приступить к работе, а Сонечка ушла в декрет. Я прошу временной замены.

– А ты знаешь, что из-за всех этих пандемий мы уже год

работаем в условиях кадрового голода. У других ситуация не лучше.

– Да что ты плетешь! Не все же работают без лаборантов. Скажи, Елизарова тоже бьется одна?

– Ей с самого начала был выделен один помощник, с ним и бьется. Это Леша, самый безалаберный из всех наших сотрудников. Неизвестно, чего от него больше: помощи или хлопот. Ты удовлетворен?

– С завтрашнего дня у меня и Елизаровой должно быть по два лаборанта, иначе...

– Иначе что? Что ты мне можешь сделать? Пока что ты у меня в подчинении, а не наоборот. Так что нечего мне здесь угрожать. И прошу немедленно покинуть мой кабинет!

– Иначе я объявлю тебе войну, и это не угроза, а предупреждение. Я знаю, где можно копнуть, чтобы вытащить на свет божий нечто интересное.

– Копай, копай, землеройка – ничего не нароешь, потому что нечего. За мной грехов не водится.

– Как же! – ухмыльнулся Данила, давно уже подозревавший Сидоренко в участии в серых схемах.

«Да он просто боится проверок! – осенило Даниила Сергеевича, когда он увидел, как изменился в лице Сидоренко, стоило намекнуть о наличии на него компромата. – Наверняка делает откаты заказчикам и получает их с подрядчиков». Петров оставил своего бывшего приятеля гадать, есть ли у него какие-то доказательства нечестной игры или он просто

блефует.

Вспомнив, что Сидоренко вставлял палки в колеса не только ему, но и Елизаровой, даже пытаясь убедить ее отступить посредством телепатии, Данила еще больше уверился в том, что зам по спецпроектам трясется за свою шкуру. Почти наверняка, полностью все хвосты тот подчистить не мог, иначе и не беспокоился бы так сильно. А если компромат есть, то обнаружить его могли не только аудиторы, но и сотрудники. Конечно, в финансовых вопросах Петров спецом не был, но не был им и Сидоренко. Поэтому была надежда, что, получив доступ к соответствующей информации, Данила сможет понять, где не сходятся концы, и вывести коррупционера на чистую воду.

«Жаль, что Лешка не мой, а елизаровский лаборант, – подумал Данила, – он бы помог взломать компьютер Сидоренко». В их организации почти все сотрудники, включая лаборантов, имели два профильных образования. По одной из специальностей Алексей был хакером, то есть инженером по защите информации. Он был недисциплинированным, но талантливым, а внутренний бунтарь так и подначивал его идти против начальства. Какое-то время Леша заменял ушедшую в декрет Соню, так что немного его характер Данила успел изучить. Он решил, что если сам со взломом компьютера Сидоренко не справится, во вторник обратится за помощью к Алексею. Сегодня же попробует раздобыть компромат сам, никого не втягивая в эту сомнительную авантюру.

В понедельник Лида решилась выйти из дома без защитной шапочки, ограничившись лишь ментальным щитом. Шапочка блокировала не только чужие, но и ее собственные волны, а это мешало считывать информацию. Только с Лизой удалось вступить в контакт. Но эта девушка – исключение, сильнейший телепат, к тому же настроенный с Лидой на одну волну.

Лида старалась не нарушать установленные ей же самой этические правила и не считывать чужие мысли. Но она понимала, что кто-то объявил ей войну и хочет заставить выйти из игры. Поэтому после серьезной внутренней борьбы она все же разрешила себе нарушить неписаное правило и прощупать возможных противников.

Выступив против участия «Заслона» в конкурсе на получения Гранта, Сидоренко сразу же настроил ее против себя. После совещания она задержалась возле кулера, чтобы подслушать мысли зама по спецпроектам. Однако услышала она не монолог, а диалог.

– С завтрашнего дня у меня и Елизаровой должно быть по два лаборанта, иначе...

– Что иначе? Что ты мне можешь сделать? Пока что ты у меня в подчинении, а не наоборот. Так что нечего мне здесь угрожать. И прошу немедленно покинуть мой кабинет!

– Иначе я объявлю тебе войну, и это не угроза, а предупреждение. Я знаю, где можно копнуть, чтобы вытащить на

свет божий нечто интересное.

– Копай, копай, землеройка – ничего не нароешь, потому что нечего. За мной грехов не водится.

– Как же!

Лида едва успела нырнуть в боковой коридор, иначе бы человек, выскочивший из кабинета Сидоренко, наверняка заподозрил бы ее в подслушивании. Он ее не заметил, но и она не смогла разглядеть собеседника зама по науке. Знала лишь, что он почему-то печется о ней, выбивает для нее дополнительного лаборанта. Может, это был сам директор?

Лида не знала, кто вписался за нее, но понимала, что он нащупал слабое место Сидоренко: она почувствовала его испуг, когда речь зашла о нечистых делишках. Рассчитывать лишь на помощь неизвестного защитника было нельзя, и Лида решила взять судьбу своего проекта в свои руки. Действительно, раз Сидоренко можно было лезть в ее голову, почему бы и ей не залезть в его стол и, может быть, в компьютер?

Вернувшись к себе, Лида мысленно настроилась на зама по спецпроектам и дождалась того момента, когда тот введет кодовое слово для входа в систему. Сидоренко, не обладающий даром, кажется, даже не заметил, что его мысли прощупывают, и сдал пароль без боя. Лида надеялась узнать что-то еще, поэтому не покидала голову жертвы до самого вечера. Она выяснила, какую именно информацию Сидоренко хочет скрыть, представляла ее визуально и даже примерное ее местонахождение. Осталось лишь сделать копии и фото-

графии, а потом положить компромат на стол генеральному директору, который, по счастью, в незаконных схемах вроде бы не участвовал.

Вечером Сидоренко сам зашел к Даниилу Сергеевичу, предложил встретиться вечером в неформальной обстановке, «по-дружески все обсудить». Этим он выдал себя, доказав, что подозрения Петрова небеспочвенны. Даниила согласился на встречу, но вовсе не из-за того, что был готов к компромиссу. Он заранее знал, что Сидоренко попытается откупиться или припугнуть связями. Но отступить Данила не собирался. Назначенная на девять часов встреча просто была ему на руку, давая гарантии того, что в это время в кабинете зама по спецпроектам никого не будет.

Впервые за долгое время Петров покинул рабочее место почти вовремя – в 19 часов. Пусть Сидоренко думает, что он готовится к встрече! У Данилы же появлялась возможность немного отдохнуть, нормально поужинать. Ну, разумеется, и поразмышлять...

Сидя за столиком в кафе, оформленном в восточном стиле, он заметил, что за соседним столиком двое играют в шахматы и подумал вдруг, что неплохо было бы пригласить сюда поужинать Лиду. Несмотря на невыносимый характер и мнительность, она была ему почему-то симпатична.

«К тому же она работает над собой, борется со своими комплексами», – подумал Данила, вспомнив, что сегодня она

пришла на работу без своего причудливого головного убора. Без него она выглядела значительно более женственно и адекватно, почему-то казалась хрупкой и незащищенной.

Вероятно, у нее были личные причины взяться за мало-перспективный и никому неинтересный проект. Зачем блокировать внезапно открывшиеся способности человека передавать мысли на расстоянии, если намного выгоднее их развивать? Елизарова явно считала Данилу своим соперником, но он конкуренткой ее не считал. Будучи старше ее и намного опытнее, он понимал, что государство не будет финансировать проект, не сулящий ни экономической выгоды, ни стратегического преимущества. Как бы хорошо Елизарова ни представила свои разработки, как бы далеко ни зашли ее научные изыскания, шансов у нее нет. Он знал, что члены ученого совета «Заслона» это тоже хорошо понимают. Даниле даже стало немного жаль Лиду, витающую в облаках.

Интересно, сколько ей лет: 25, 30, 35? По внешности это было определить сложно. Она выглядела, пожалуй, лет на тридцать, но женщины, следящие за собой, часто кажутся более юными. С другой стороны, она вела себя так наивно и непосредственно, что казалась вчерашней аспиранткой, не способной трезво оценивать свои возможности, а не зрелым ученым. Да, больно будет ей падать. Но, с другой стороны, Данила не виноват, что она еще не научилась мыслить трезво – он не обязан уступать ей только потому, что старше, мудрее и сильнее. Наука не для слабаков! Встанет и пойдет дальше

– молодец, сдастся – значит, в науке ей не место.

Лида задержалась на работе, и со стороны могло показаться, что на нее напал сушняк: за вечер она несколько раз пошла к кулеру. На самом деле ходила она сюда не пить, а подслушивать мысли Сидоренко. Убедившись, что уже больше часа в его кабинете тихо, и на этаже не осталось никого из сотрудников, Лида решила приступить к осуществлению своего плана.

Первым делом нужно было открыть замок. За несколько часов ожидания она успела просмотреть несколько видеопроцедур, как вскрывать замок с помощью шпильки. Вроде бы все было ясно. К тому же Лида потренировалась на запорах своего письменного стола и пришла к выводу, что задача ей предстоит пустяковая. Однако она ошиблась. Замок на двери сидоренковского кабинета оказался куда более сложным, чем в ее письменном столе, и с его взломом Лида провозилась более получаса. Но упрямства ей было не занимать, так что в конце концов эта преграда осталась позади. Лида проскользнула в кабинет и, закрыв за собой дверь, включила принесенный с собою фонарик: не хотелось, чтобы светящееся в темноте окно сидоренковского кабинета привлекло чье-нибудь внимание.

Ящик письменного стола она вскрыла без особого труда, выложила на стол документы, постаравшись запомнить, в каком порядке лежали папки и файлы, чтобы положить их так

же. Тогда Сидоренко не заподозрит, что в его бумагах кто-то копался. Внимательно рассмотрела документы и пришла к выводу, что в столе зам по спецпроектам не держал ничего важного, способного его скомпрометировать.

Как было, папки в стол Лида положить не успела. Сначала она почувствовала, что недалеко кто-то есть, потом услышала, что чей-то ключ царапается в замке. Запихнув документы в ящик, как получилось, она шмыгнула за перегородку, отделяющую небольшую часть кабинета от основной. За ней был шкаф-гардероб. Опасаясь, что перегородка не скроет от любопытных глаз ее тень, женщина спряталась в шкаф. Едва она успела скрыться, как услышала, что дверь кабинета открывается и закрывается снова, на замок.

Лида так разволновалась, что даже забыла о том, что обладает телепатическими способностями. Она замерла, как мышка, не пытаясь прочесть мысли вошедшего, а лишь прислушиваясь к его шагам и другим звукам. Человек уверенно подошел к письменному столу и, кажется, выдвинул ящик. «Я пропала, – в ужасе продумала Лида. – Николай Степанович наверняка заметит, что все лежит не так, как он оставлял. К тому же я забыла на столе фонарик и шпильку. Какая же я дура!».

Сидоренко (а Лида была уверена, что в кабинете хозяйничает именно он), плюхнул на стол папки с документами. Похоже, задел фонарик. Лида слышала, как тот покатился по столу и с громким стуком свалился на пол. Сердце заколо-

тилось еще быстрее.

Что происходило за стеной шкафа и перегородкой, Лида не знала, пока не услышала шаги прямо у самой двери шкафа. Рядом кто-то был. По всей, видимости, мужчина. И еще один мужчина, кажется, был возле кабинета в коридоре. Это было странным, но ощущения Лиду не обманули: она услышала стук в дверь. Сидоренко почему-то не ответил, а открыл дверь шкафа, в котором пряталась Лида. Она отступила к самой стене.

Влезший в шкаф мужчина вел себя неадекватно, если только можно было вообще считать адекватным само проникновение в платяной шкаф. Оказавшись внутри, «новосел» задвинул за собой дверцу и повернулся к Лиде лицом. Ее ослепил свет от шахтерского фонарика на его лбу. Проморгавшись, взломщица поняла, что перед ней не Сидоренко, а Петров. Она чуть не вскрикнула от удивления, но тот вовремя зажал ей рот рукой. Вовремя, потому что дверь кабинета отворилась, и кто-то в него зашел. Через щель в шкафу было видно, что он зажег свет. Через несколько секунд свет погас, дверь кабинета закрылась.

– Все в порядке, никого там нет, – прозвучал за стеной голос охранника, докладывающего об обстановке своему напарнику. Вероятно, они услышали в кабинете Сидоренко подозрительные звуки и решили проверить, что там происходит. Все злополучный фонарик!

– Твой? – шепотом спросил Данила, протягивая Лиде на-

рушителя тишины.

– Мой, – покраснев, прошептала женщина, забирая фонарь.

– Кто ж забывает улики на месте преступления! – ироничным тоном произнес Данила.

– Был бы сам аккуратнее, не свалил бы его. Было бы тихо, – попыталась защититься Лида.

– А что ты, собственно говоря, тут делаешь? – поинтересовался Данила, хотя ответ был очевиден.

– Вероятно, то же, что и ты.

– Ищешь компромат на Сидоренко? – уточнил Данила.

– Да.

– И знаешь, что искать?

– Знаю. Не знаю только где. В столе ничего нет. Думаю, что в компьютере.

– Я тоже. Пойдем попытаемся его взломать.

– Пойдем.

Данила стоял так близко, что их дыхание смешивалось, и Лиде почему-то очень захотелось, чтобы он ее поцеловал. «Надеюсь, он не догадается, – подумала она, ругая себя за минутную слабость. – Я ж сегодня без щита! Не дай бог, почувствует мое желание. Не хватает еще так оконфузиться!».

Похоже, Данила ни о чем не догадался, потому что целоваться не полез и вообще никак Лидино желание не прокомментировал. Он повернулся к ней боком, открыл шкаф и вышел в кабинет. Лида последовала за ним.

– Я знаю пароль, – призналась она, когда Данила включил компьютер. – Давай введу.

Пароль подошел.

– Откуда такие сведения? – удивился Данила.

– Секрет! – ответила Лида, опасаясь признаваться, что прочитала эту информацию у Сидоренко в голове.

– Телепатическая разведка донесла? – догадался Данила.

Лидино сердце забилося, как пойманная в силки птичка. Она не понимала, как Данила смог открыть ее секрет, и боялась того, что он воспользуется раскрытием ее тайны. Можно было, конечно, попытаться себя обезопасить и придумать другой источник информации, но вся беда была в том, что привычки врать Лида не имела, поэтому никакие версии в голову не приходили. В конце концов она решила признаться и молча кивнула.

По компьютеру они шарили довольно долго, но главное, что нашли нужную папку. Она оказалась под паролем. Открыть ее не удалось.

– Скопируй на флешку, завтра Лешке покажи, – посоветовал Данила, и Лида согласилась, что это единственное правильное решение.

– Теперь нужно заглянуть в сейф, – заметил Данила. – Код знаешь?

– Не знаю, – огорченно вздохнула Лида, понимая, что оплошала: в течение дня Сидоренко несколько раз открывал и закрывал сейф, но код она почему-то запомнить не дога-

далась.

– Ничего, замок несложный, попробуем взломать, – обнадежил ее Данила. – Если код давно не менялся, я этот ящик, наверное, вскрою.

Мужчина сдержал свое обещание: не прошло и пяти минут, как сейф был открыт.

– Твоя вторая профессия – медвежатник? – пошутила Лида.

– Нет, хирург, – улыбнулся Данила.

Порывшись в бумагах, они быстро нашли нужную папку, сфотографировали находящиеся в ней бумаги и тут же отправили информацию на свои флешки.

Закрыв сейф, они уже хотели убраться из кабинета, но вовремя услышали, что к двери снова кто-то подошел и вставил ключ в замочную скважину. Не сговариваясь, Лида и Данил нырнули за перегородку и спрятались в шкафу, заняв то же положение, что и в первый раз.

– Снова охранник? – подумал Данила, но Лида услышала его мысль. Она напряглась, сканируя пространство кабинета, и поняла, что на этот раз в него вернулся хозяин.

– Нет, Сидоренко, – мысленно ответила она Даниле.

– Что ему нужно? – услышала следующий беззвучный вопрос.

– Проверяет, нет ли здесь посторонних. Ты не пришел на какую-то встречу, и он почувствовал неладное.

– Можешь внушить ему, что все в порядке?

– Попытаюсь.

Лида напряглась и постаралась успокоить Сидоренко. Похоже, это удалось, потому что тот погасил свет и вышел.

Лида облегченно вздохнула и, расслабившись, вернулась к реальности. И первое, что она увидела, были губы Данилы. Она лихорадочно потянула на свое подсознание экран, чтобы спрятать за ним свои желания, но, похоже, не успела. Потому что Данила ее поцеловал. И стоило лишь его губам коснуться ее рта, как щит развеялся, как туман на солнце. Они целовались ненасытно, будто их долго томила жажда, и вот они смогли припасть к источнику. Наконец, они разомкнули губы.

– Спасибо, что исполнил мое желание, но в будущем постарайся не подслушивать мои мысли. Это неэтично, – потупившись, попросила Лида.

– Твое желание? – удивился Данила. – Вообще-то, я исполнял свое. Но я рад, что наши желания совпали.

Лида так и не поняла, правду ли он сейчас сказал или просто хотел ее успокоить, но было приятно.

– Теперь нам надо как-нибудь незаметно покинуть центр, чтобы прийти утром вместе со всеми. Ведь ты же догадалась войти сюда как-нибудь незаметно?

– Я внушила охраннику, что ушла, но ключи от лаборатории еще у меня, и подписи в журнале нет. А ты?

– Я ушел, сдал ключи и расписался, а потом вернулся и залез в свой же кабинет через специально оставленное от-

крытым окно.

– Но это же третий этаж!

– В юности я увлекался паркуром и смежными видами спорта, пришлось тряхнуть стариной. Обрато я собирался обратиться тем же путем. Но как быть с тобой?

– Вылезу через окно туалета на первом этаже, а утром приду пораньше, отвлеку внимание охраны, распишусь за вчера и сегодня.

– Встретимся в семь утра на стоянке и пойдем вместе, так проще будет отвлечь.

– Договорились.

Лида и Данила разошлись, чтобы привести в исполнение свою часть плана. Поцелуй и будущие отношения они не обсуждали – было не до того. Но, оказавшись дома, оба они по отдельности озадачились именно этим вопросом.

Науку, как и спорт, Данила считал областью, в которой каждый болеет за себя и за свою команду. Женщины и мужчины здесь равны. Кто умнее и больше работает, чей проект важнее, тот и должен быть первым. Изначально он не собирался уступать Лиде, считая свои изыскания более значимыми. Но после поцелуя в сидоренковском шкафу в нем вдруг проснулся джентльмен.

Ему передалось ее настроение, ее страх, что кто-то прочитает ее мысли или внушит ей собственные, заставив плясать под свою дудку. Хотел бы он оказаться на ее месте? Да

ни за что! Постепенно пришло осознание, что ее работа не менее важна, чем его. Готовя яд, необходимо позаботиться о противоядии.

В конце концов Данила принял решение: он уступит Лиде право побороться за Грант, а сам попытается реализовать проект своими силами. Нужно будет только заставить Сидоренко выделить ему достаточное количество ресурсов. В разумных пределах, разумеется. Хотя, решать, скорее всего, будет уже не Сидоренко.

Когда они с Лизой благополучно миновали проходную, и Лида незаметно для охраны расписалась и за сданные, и за якобы только что принятые ключи, он сказал, что зайдет к ней, когда придет Алексей, чтобы поддержать ее просьбу о взломе пароля к секретной папке. Она сказала, что будет ждать.

Однако не дождалась – сама пришла к Даниле за полчаса до начала рабочего дня. Увидев Лиду в дверях лаборатории, он встревожился.

– Случилось что-то? – спросил озабоченно.

– Нет, просто поговорить хотела. Помнишь, обещала подумать после шахматной партии, что важнее: защита или атака.

– Было что-то такое, но особого значения я не придал.

– Хочу поделиться своими размышлениями.

– Что это вдруг? Давай в обед об этом подискутируем.

– Лучше сейчас. Чем раньше – тем лучше.

– Что это так не терпится?

– Я бы потерпела – время не терпит. Это касается Гранта.

– Ну, тогда делись.

– Атака и защита одинаково важны. Если чего-то одного нет или слабое, противник тебя раздавит. Ты работаешь над атакой, а я над защитой, и это неправильно. Кто бы из нас ни победил в схватке за Грант, наши проекты будут слабыми. Нам нужно объединиться. Я согласна на роль ассистента, так как понимаю, что опыта у тебя больше.

– Честно говоря, я уж было собирался тебе уступить, но твоя идея объединиться мне нравится больше.

– Значит, договорились?

– Договорились.

Лида и Данил пожали друг другу руки.

Вторник они посвятили анализу раздобытого накануне вечером компромата. Много интересного нашлось во взломанной Алексеем папке. К концу рабочего дня они втроем пошли к генеральному директору и положили ему на стол пачку документов, разоблачающих финансовые махинации Сидоренко. И объявили, что теперь у них, Петрова и Елизаровой, общий проект, так что ресурсы будут использоваться экономно, но все же их слишком мало. Заручившись обещанием шефа выделить им еще пару лаборантов, они вышли из кабинета.

Впервые за долгое время Данила не стал задерживаться на работе, а пригласил Лиду поужинать вместе – в том самом восточном кафе, где играют в шахматы. Она растерялась и чуть было не отказала, мотивируя тем, что служебные романы редко заканчиваются чем-нибудь хорошим. Но вовремя вспомнила, как они с Данилой общались телепатически, стоя в сидоренковском шкафу. Сам факт такого контакта говорил о том, что они с ним на одной волне, и нужно было быть полной дурой, чтобы упустить шанс романа с женщиной, с которым так легко находить общий язык. Она согласилась.

Когда они подняли бокалы за их новый совместный проект, услышали, что белокурая девушка за соседним столиком спрашивает своего приятеля:

– Мне недавно попала загадка: что быстрее и точнее всего на свете. Как думаешь, что это?

– Свет? Пуля? – предположил юноша.

– Да что ты, какая пуля! – не удержавшись, встряла в разговор Лида. – Это мысль.

– Нет, это стрелы Амура, – поправил ее Данила.

Они одновременно улыбнулись и потянулись друг к другу губами. Молодые люди за соседним столиком засмеялись и последовали их примеру.

«Хорошо, когда мысль и чувства не противоречат друг другу!» – подумали Лида и Данила в унисон, упиваясь нежным и одновременно горячим поцелуем. И неважным пока-

залось, выиграют ли они Грант. Они уже нашли в этой жизни главное, раскрыли самый важный секрет бытия.